

— Это было не смешно, — заявил он, сжав кулаки. — Нет, было, — ответила Гестия, ее губы тронула лукавая улыбка. — Как тебя зовут? — Гарри, — угрюмо бросил он, поднимаясь с пола. — Не злись, Гарри, это всего лишь безобидная шутка, — сказала Гестия, ее улыбка ни на секунду не покидала лица. Она повернулась к гостинной, словно приглашая его. — Не хочешь ли ты посидеть со мной? Гарри пожал плечами, все еще не понимая, кто эта странная девушка, выскочившая из огня и заставившая его сердце биться в бешеном ритме. Он последовал за ней, опустился на другой конец дивана, не зная, что сказать, как себя вести. Оставалось надеяться, что она не выдаст его. — Я Гестия, — повторила она, словно читая его мысли. — Я богиня очага и дома. Он моргнул. Богиня? Так вот почему она вышла из огня? Он бросил взгляд на камин, где еще тлели угли. — Да, того самого очага, — сказала Гестия, ее голос дрогнул от едва заметного смеха. Тот самый смех, который успокаивал его раньше. — Среди всех остальных. Вот почему я знала, что здесь кто-то есть, несмотря на то, что этот храм не использовался уже очень давно. Поэтому я и смогла прийти. Если я не поделюсь своими находками, никто больше не узнает. Он расслабился. Это объясняло, почему она предложила сохранить его тайну. — Так ты не расскажешь? — спросил он, неверяще глядя на нее. Гестия по-прежнему мягко улыбалась. — Нет, Гарри, не скажу, — ответила она, ее голос звучал мягко и успокаивающе. Он выдохнул, не зная, что сдерживал дыхание. — Не хочешь рассказать мне, как ты сюда попал? — спросила она, ее взгляд был полон доброты и любопытства. Гарри посмотрел на нее, чувствуя усталость. — Обещай, что не расскажешь никому из взрослых? — спросил он, просто чтобы убедиться. Гестия на мгновение удивленно посмотрела на него, а потом поняла. Она улыбнулась ему, и Гарри вдруг стало тепло на душе. — Я обещаю, что никому не расскажу без твоего разрешения, — заверила она его. Несколько мгновений Гарри молчал, изучая ее. Она выглядела нормально, если не сказать лучше. Обычная коричневая мантия, карие глаза, каштановые волосы. Ее кожа была на тон глубже, чем у большинства англичан. Он решил довериться ей. Если она не сдержит обещание, ему придется бежать. Он ни за что не вернется к тете Петунии, почувствовав свободу. Должно быть, его молчание подсказало Гестии его мысли. — Если хочешь, я могу поклясться в этом, — предложила она, ее голос звучал серьезно. Гарри оторвался от своих мыслей. — Разве это не одно и то же? — спросил он, не понимая, что это значит. Улыбка Гестии стала еще шире, и она придвинулась к нему ближе, словно собираясь открыть какую-то великую тайну. Несмотря на себя, он наклонился, чтобы выслушать ее объяснения. — Не для нас, богов, — призналась она, ее голос стал чуть тише, словно она делилась секретом. — Мы можем поклясться на реке Стикс. Нарушить клятву, данную на Стиксе, значит навлечь на себя беды и несчастья. Гарри нахмурился. — Что это значит? — спросил он, не понимая. — Это значит, что если ты дашь клятву и не сдержишь ее, с тобой случится плохое. Много чего плохого. Клятва на Стиксе — самое серьезное обещание, которое может дать бог. Гарри кивнул, понимая, что она хочет сказать. Он также понял, что она предлагает ему дать такое обещание. — Тебе не обязательно клясться, — сказал он, немного неуверенно. — Просто... пообещай, что не расскажешь взрослым. Она улыбнулась ему. — Обещаю, — заверила она его. — Можешь сказать, почему? — мягко спросила она. — Потому что взрослые кричат, вопят и швыряются в меня вещами, — ответил Гарри, не успев осознать, что он сказал. — Взрослые — это плохо. Они никогда не верят тебе и доверяют другим людям, поэтому они всегда думают, что ты плохой, хотя это не так. Гестия грустно посмотрела на него, ее взгляд был полон сочувствия. — Не все взрослые такие, — сказала она. Гарри пожал плечами. — Может, у тебя хорошие мама и папа, Гестия, а у меня только тетя Петуния и дядя Вернон, и они меня ненавидят. И все взрослые сначала разговаривают с ними, поэтому они тоже меня ненавидят. Так что, пожалуйста, не говори взрослым! Гестия снова улыбнулась, но теперь уже грустно. — Я обещаю, — снова сказала она. — Ты можешь рассказать мне больше о своих тете и дяде? Как ты стал жить с ними? Гарри вздохнул. — Мои родители были пьяницами и погибли в автокатастрофе, — объяснил мальчик, его голос был тихим и печальным. — Так сказала тетя Петуния. Меня подкинули ей и дяде Вернону, потому что больше никто не хотел меня брать. Они не хотели меня брать, но им пришлось меня забрать. Мне у них не нравилось,

они всегда кричали, вопили и бросали меня в шкаф, если что-то шло не так.— В твой... шкаф? — спросила Гестия, ее брови слегка нахмурились. Гарри кивнул. — Там я спал. Мой шкаф под лестницей. Внезапно добрая и милая Гестия стала выглядеть очень опасной: глаза светились огнем, а волосы стали такими же красными, как пламя в камине, но это длилось всего мгновение, и она снова стала выглядеть нормально. Это произошло так быстро, что Гарри просто решил, что это был обман света из камина. Это было трудно пережить, и Гарри глубоко сглотнул. Его грудь словно наполнилась льдом. — Они заставляли меня готовить, заниматься садоводством, мыть машину и прочее, и я получал лишь немного еды, когда они заканчивали, — продолжал Гарри, его голос дрогнул от обиды. — А потом была большая поездка компании дяди Вернона, и они не могли оставить меня, как обычно делают, когда уезжают в отпуск. Поэтому мы приехали сюда, в Нью-Йорк. Тетя Петуния держала меня взаперти в гостиничном номере. Грустный взгляд Гестии не изменился, но теперь она сидела ближе к нему, чем он помнил. Он проигнорировал ее приближение и вернулся к своему объяснению. — Должно быть, что-то пошло не так на встрече, которую дядя Вернон должен был провести с одним из своих крупных клиентов, потому что он вернулся очень взбешенным. Я спрятался, потому что дядя Вернон всегда винит меня, если что-то идет не так.— Это разумно, — сказала Гестия, ее голос как-то успокаивающе подействовал на Гарри, и большая глыба льда в его груди, казалось, начала таять.— Но он не кричал на меня, — сказал он ей, его голос был тихим, словно он боялся нарушить хрупкое спокойствие.— Это хорошо, — ответила Гестия, ее взгляд был полон сочувствия. Гарри покачал головой. — Он всегда на меня кричит. Меня напугало, что он этого не сделал. А потом, в последний день, когда мы уезжали, он предложил купить у меня паспорт за сто долларов. Гестия моргнула. — Что он сделал? — спросила она, словно желая удостовериться.— Он дал мне сто долларов, взял мой паспорт и уехал с тетей Петунией и Дадли в аэропорт. Они оставили меня в Нью-Йорке и вернулись в Англию. Гестия снова выглядела опасной, но это длилось всего мгновение. Он моргнул и пристально посмотрел на неё, чтобы убедиться. Гестия выглядела смущенной его пристальным взглядом, но на ее губах играла все та же улыбка. — У меня было сто долларов, и я могла делать то, чего никогда раньше не делала. Например, съесть хот-дог. Кстати, они замечательные! Ты когда-нибудь ела хот-дог, Гестия? Гестия кивнула. — Да, я действительно ела хот-дог, — подтвердила она, а затем наклонилась, как бы передавая ему еще один секрет. — И не один. — Только никому ни слова, — прошептала она, приложив палец к губам, словно опасаясь, что даже тихий шепот может нарушить хрупкое равновесие тайны.